

© 2013 г. О.М. Шевченко

УДК 101

ФОРМИРОВАНИЕ И ВИДЫ КСЕНОФОБИИ В ЭПОХУ ПОЗДНЕГО МОДЕРНА

[Formation and types xenophobia in the late modern]

The article analyzes the causes of the emergence and spread of ethno-religious and ethno-racial types of xenophobia in the era of late modernity. Carried out the study of ethno-religious and ethno-racial forms of xenophobia on the example of modern Islamophobia and migrant. The author draws attention to the trend of hybridization xenophobia as a result of loss of uniqueness markers identifying "us" and "them" in the era of late modernity. Activation of groups on the basis of ethno-racial and ethno-religious causes that xenophobia becomes effective political technology, with which the politically legitimized the struggle for power, territory, resources.

Key words: xenophobia, late modernity, identity, globalization, Islamophobia, immigration, migrant-phobia.

Сегодняшние глобальные трансформации кардинально преобразуют форму современного общества и мирового порядка. Они по образному выражению Э. Гидденса, «всесторонне перетряхивают мир» [1]. Однако направленность этого процесса остается неопределенной и весьма травматической для ряда регионов. Если первоначально сторонники переустройства мира вдохновлялись идеей единства и унификации, то постепенно назрело понимание неоднозначности процессов глобализации, в частности, неустойчивости и проблематичности общественного развития. Все это позволяет ученым определять данный период как «позднюю современность», которая характеризуется состоянием крайней неустойчивости и непредсказуемости социального развития [1]. В эпоху позднего модерна развитие социума, по мнению исследователей, происходит нелинейно и сопровождается рисками, травмами и парадоксами. Проблемность эпохи позднего модерна заключается прежде всего в том, что «люди испытывают сложности как с ориентацией в текущем моменте, так и затрудняются с выбором направления дальнейшего движения» [2, с. 7].

Стремительные изменения в мире в конце XX – начале XXI в. резко обострили проблему идентичности. Никогда ранее в мировой истории эта проблема не стояла столь остро и не охватывала практически все государства и народы мира. Проблема идентичности по сути превратилась в вопрос выживания. Как отмечают исследователи, «общество, основанное на функционировании глобальных сетей, неизбежно соприкасается с «чужими» опасностями из других социумов...» [3, с.10]. Страхи и риски, порождаемые процессами глобализации, закономерно влекут за собой стремление очертить свою зону безопасности от внешних воздействий посредством конструирования символических границ между «своим» и «чужим» миром. Конструирование символических границ самоотождествления тесно связано с ксенофобией, поскольку любая идентичность актуализируется лишь при столкновении или конфликте с чужой идентичностью. Об этом свидетельствует активизация во многих регионах мира сепаратистских движений, вдохновляющихся идеями национального и религиозного возрождения и сопровождаемые ксенофобией как способом оппозиционного конструирования социальных отношений по принципу «свои – чужие».

Конструирование образа «чужого» в настоящий момент тесно связано с гибридизацией ксенофобии, которая выражается в том, что критерии выделения «чужих» утрачивают однозначность. Сегодня наиболее распространенными примерами этнорелигиозной и этнорасовой ксенофобии являются исламофобия и мигрантофобия. В современном мире и исламофобия и мигрантофобия перестают быть связаны каким-то одним доминирующим маркером (конфессиональным, этническим, расовым), определяющим границы между «своими» и «чужими».

Сегодня наибольшее влияние на реальную жизнь людей оказывают не столько отдельно взятые религиозные или этнические чувства, сколько их симбиоз. Причина состоит в том, что этнические чувства и религиозные представления имеют одних и тех же носителей, тесно связаны между собой в реальной социальной практике, что способствует повышению их значимости в общественном сознании. Поэтому историческую связь этнического и религиозного, симпатию к единоверцам и этнически родственным группам и антипатию к иноверцам, которые часто выступают как этнически «чужие» используют в своих интересах экстремистски настроенные деятели национальных и религиозных общественных движений.

Современная исламофобия представляет собой этнорелигиозный вид ксенофобии, поскольку в ней представления об этнических критериях группы неразрывно связаны с конфессиональными критериями групповой идентификации. Это находит отражение в общественном и политическом дискурсе, часто оперирующем термином «этнические мусульмане». Конечно, не стоит отрицать наличие тесной связи между религиозной и этнической самоидентификацией, однако нельзя не заметить, как эта связь абсолютизируется, достаточно агрессивно навязывается людям. Безусловно, ни этничность, ни конфессиональность сами по себе не являются причиной исламофобии, но, тем не менее, исламофобия сегодня является наиболее распространенным видом этнорелигиозной ксенофобии.

В научной литературе, посвященной исследованию причин исламофобии в современном мире можно выделить три направления. Представители первого полагают, что сегодняшняя исламофобия является продолжением исторического противостояния между христианством и исламом, начавшегося в средневековый период [4]. Представители второго направления усматривают причины появления исламофобии в том массовом страхе, который был порожден террористической атакой на Всемирный торговый центр в 2001 году. С точки зрения П.К. Гречко, заблуждением является широко распространенное мнение, согласно которому США вполне успешно продвигают свои ценности по всему миру. Он полагает, что США, напротив, обороняются от врагов: «... сегодня их новым врагом, сменившим идеологического оппонента времен «холодной» войны, становится современный международный терроризм, который отождествляется с новым проявлением варварства ...» [5, с.47]. Поэтому в международных делах образ мусульманина часто демонизируется и персонафицирует собой враждебную Западу цивилизацию, что собственно позволяет легитимировать политику США на Среднем Востоке и в Южной Азии. Ряд исследователей акцентирует внимание исключительно на прагматических интересах в формировании и распространении исламофобии, рассматривая ее как «... политический акт определенных кругов мира в целях создания искусственного «врага» для оправдания увеличения военных расходов» [6, с. 95].

В рамках третьего подхода причины современной исламофобии связывают прежде всего с разочарованием в светских идеологиях – либерализме, коммунизме, национал-социализме, которые глубоко проникли в обще-

ственное сознание с начала XX в., в то время как религия отступила в сферу частной жизни. Сейчас происходит обратный процесс: общество разочаровалось в светских идеологиях, а религия, напротив, из области частной жизни опять стала идеологически значимой. С точки зрения сотрудника Института востоковедения РАН М. Рощина, именно «... ислам, как наиболее живая и массовая на сегодня религия, оказывает на своих адептов более мощное влияние, чем другие религии, и поэтому боязнь ислама – одна из самых сильных фобий у представителей неисламского мира, что и определяет всеобщий характер этого явления» [7].

На наш взгляд глубинным фактором роста современной исламофобии является использование религиозного фактора в политических целях. Несмотря на то что религия и политика обращены к различным аспектам человеческого существования, – первая призвана соединять людей в духовные сообщества, вторая – решать их конфликты мирным путем, – великие трагедии XX в. были обусловлены тем, что политика стала религией, привела к абсолютизации и обожествлению нации (в случае с фашизмом) или системы (в случае с коммунизмом). Самая большая опасность XXI в. заключается в обратном процессе в превращении религии в политику.

Именно политический фактор, по мнению ряда экспертов, является главным в многолетнем арабо-израильском конфликте, основой которого выступает отнюдь не религиозная нетерпимость, а намерение получить независимую арабскую Палестину с одной стороны, и желание не допустить этого – с другой. Поэтому можно говорить о том, что сегодня этнорелигиозная ксенофобия становится эффективной политической технологией, при помощи которой политически легитимируется борьба за власть и влияние.

Отождествление религии и политики ведет к появлению исламофобского дискурса не только на уровне массового сознания, но и в политике западных государств. Так, например, в 90-е гг. XX в. этнизация боснийских мусульман стала поводом «этнической чистки», которая обосновывалась необходимостью защиты Европы от исламского фундаментализма и терроризма. В настоящее время значение исламофобии и представлений об исламе в международной политике зависит не столько от реальности или теологической системы ислама, сколько от восприятия и сигнификации мусульман в качестве этнически и религиозно «чужих» в политических целях.

«Внешняя» исламофобия тесно связана с «внутренней». Самой большой переменной в отношениях между Западом и исламским миром можно назвать увеличение числа мусульман, проживающих в Европе и Америке. Так в Северной Америке мусульмане жили с эпохи рабовладения, однако только в последние десятилетия их доля в общей численности населения возросла стала стремительно возрастать: « ... на территории США их проживает шесть миллионов человек, вскоре ислам станет второй по числу последователей религией в США ... » [8, с. 289]. Следует заметить: увеличение численности мусульманского населения обусловлено не только высокой рождаемостью, но и прежде всего активностью миграционных процессов. В результате, одним из важнейших вызовов, стоящих перед Западным миром в XXI в., является массовая миграция.

В результате массовых миграционных процессов благополучному западному миру начинает угрожать растущий поток иммигрантов, вынужденных покидать места исторического проживания из-за неразвитости экономики, эпидемий и войн. Массовая иноэтничная иммиграция в развитые страны способствует превращению последних в полиэтничные, поликонфессиональные и поликультурные. Это закономерно порождает рост мигрантофобии как негативного отношения местного населения к приезжим и чрезвычайно актуализирует вопросы межэтнического взаимодействия.

С. Хантингтон, усматривающий конфликт цивилизаций в столкновении исламского и западного мира, полагает, что с увеличением миграции населения из арабских стран в США и Западную Европу линия разлома между цивилизациями фактически пройдет по территории развитых государств и вызовет нарастание расистских настроений [4]. Можно согласиться с тем, что массовая иммиграция вносит в жизнь западноевропейских стран все большую социальную напряженность и конфликтность и неизбежно сопровождается этнорасовой ксенофобией.

Считается, что в последние десятилетия этнорасовая ксенофобия стала проявляться сильнее. Этому способствовали, в первую очередь, периодические кризисные явления в экономике Запада, утрата привлекательности «левых» идей, упадок международного рабочего движения. В США и Европе противники иммиграции из неевропейских стран окрестили ее «иностранный интервенцией», «аннексией третьего мира» и даже «биоло-

гическим оружием», а мигранты стали «внутренними врагами» и «козлами отпущения», которым вменяются в вину чуть ли не все экономические и социальные недуги западного общества.

Неприятие иностранцев стало весьма распространенным явлением среди коренного населения западного мира. В результате происходит возрождение колониальной демаркации между «белыми» и «небелыми», свидетельствующей о том, что «расовая» ксенофобия вновь приобретает устойчивые позиции. На данное обстоятельство обращает внимание И. Валлерстайн: «... белый панъевропейский мир становится *de facto* куда менее белым. Конечно не все мигранты небелые, но они все определяются в качестве таковых социально» [9, с. 40].

Как показывает опыт многих западных стран, рост масштабов иммиграции будет способствовать росту антииммиграционных настроений, имеющих преимущественно расистскую окраску. Во-первых, это обусловлено боязнью коренной реструктуризации экономических и социальных отношений в обществе, поскольку местное население именно их считает виновниками дезорганизации в обществе и ухудшения своего положения. Во-вторых, проблема связана с самими переселяющимися этническими группами. Их маргинальное положение способствует внутренней консолидации, чаще всего на этнорасовой основе. Этот процесс может принимать форму сепаратизма и религиозного фундаментализма, которые обычно являются результатом изоляции данных групп и усиления расистских настроений в отношении мигрантов со стороны коренного населения.

Таким образом, рост миграции в развитые страны оказывает не только положительное влияние на экономику принимающих социумов, но и приводит к возрастанию конфликтности между местным населением и иммигрантами. Это позволяет говорить о наличии как латентной, так и открытой мигрантофобии в принимающих странах.

На основании вышесказанного, можно констатировать, что несмотря на глобализационные процессы, направленные в целом на интеграцию мирового сообщества, социальные отношения снова редуцируются к этнорелигиозным и этнорасовым. Этнизация и расиализация социальных процессов проявляются в том, что социальное взаимодействие государств или общностей сводится к взаимодействию между этноконфессиональными и этнорасовыми группами, стигматизированными в качестве «чужих» на основе смешения религиозной, этнической и расовой идентичности индивидов и дискриминируемых за это.

Причины конструирования социальных отношений по принципу «свои-чужие» на основе этнорелигиозных и этнорасовых маркеров связаны прежде всего с выходом на политическую арену новых акторов, активизацией групп на этнорелигиозной и этнорасовой основе, борьбой за власть, территорию, ресурсы. Все эти процессы лежат в основе появления смешанных видов ксенофобии и делают регионы современного мира более фрагментированными, несмотря на процессы глобализации.

ЛИТЕРАТУРА

1. *Гидденс Э.* Ускользящий мир. Как глобализация меняет нашу жизнь. М.: Весь мир, 2004. – 599 с.
2. *Далгрэн П.* Крайности поздней современности: логика культуры, ценности и идентичности // *Философия и социальные науки.* 2010. № 4.
3. *Кравченко С.А.* Становящаяся сложная социальная реальность: проблема новых уязвимостей // *Социологические исследования.* 2013. № 5.
4. *Хантингтон С.* Столкновение цивилизаций. М.:ООО «Издательство АСТ», 2003. – 603 с.
5. *Гречко П.К.* Понятие «мирового порядка» в контексте глобальных преобразований // *Глобализация и мультикультурализм.* М.: Изд-во РУДН, 2005.
6. *Мирзахмедов А.* Феномен ислама // *Социологические исследования.* 2003. № 3.
7. Исламофобия как вызов гражданскому обществу // Портал-Credo.Ru, 06.02.2007 [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://i-r-r.ru/page/stream-exchange/index-11042.html>
8. *Амур Р.* Христианство и ислам: непростая история. М.: Библейско-богословский институт св. апостола Андрея, 2004. – 336 с.
9. *Валлерстайн И.* Утопийское, или исторические возможности XXI века // *Прогнозис.* Весна 2006. № 1(5).

REFERENCES

1. *Giddens A.* Elusive peace. How globalization is changing our lives. M.: Worldwide, 2004.
2. *Dahlgren P.* Extremes of late modernity: the logic of culture, values and identity // *Philosophy and Social Sciences*. 2010. № 4.
3. *Kravchenko S.A.* Becoming a complex social reality: issue of new vulnerabilities // *Sociological Research*. 2013. № 5.
4. *Huntington S.* The Clash of Civilizations. Moscow, 2003.
5. *Grechko P.K.* The concept of a "world order" in the context of global change // *Globalization and multiculturalism*. Moscow, 2005.
6. *Mirzakhmedov A.* The phenomenon of Islam // *Case Studies*. 2003. № 3.
7. Islamophobia as a challenge to civil society // Portal -Credo.Ru, 06.02.2007 [electronic resource]. – Mode of access: [http:// i-r-p.ru/page/stream-exchange/index-11042.html](http://i-r-p.ru/page/stream-exchange/index-11042.html)
8. *Amur R.* Christianity and Islam: a complex history. Moscow: Biblical Theological Institute of St. Andrew, 2004.
9. *Wallerstein I.* Utopic or historic opportunities XXI century // *Prognosis*. Vesna. 2006. № 1 (5).

***Южный федеральный университет,
Ростов-на-Дону, Россия***

29 сентября 2013 г.